

Тряпка — эпизод 2 из 3

У секретаря затрепетало под сердцем,хватило дух от желания поскорее очутиться в большой зале, держать высоко голову, играть терпением Клавдии Васильевны. Музыка сразу воскресила и взбудоражила в нем мечты, которыми он услаждал себя, идя на вечер...

Послушайте, крикнул он толстяку, который то появлялся наверху, то исчезал. Отчего меня не пускают?

Что-с? Из редакции никого не пускать!

Но... но почему же? Вы объясните, по крайней мере!

Г-н Блудыхин не велел! Не мое дело-с! Мне не велено, я и не пускаю!..

Позвольте пройти даме! Ты же смотри, Андрей, из редакции никого! Не велел хозяин!

Кокин пожал плечами и, чувствуя, как глупо и некстати это пожатие, отошел от лестницы... Что делать? Конечно, самое лучшее, что мог сделать в данном случае Кокин, это побежать скорее в редакцию и сообщить редактору, что дурак Блудыхин сделал такое-то распоряжение. Редактор бы удивился, засмеялся и сказал: Ну, не идиот ли? Нашел чем мстить за рецензии! Не понимает, осел, что если мы ходим на его вечера, то этим самым не он нам делает одолжение, а мы ему! Ах, да и дурак же, господи помилуй! Ну, погоди же, поднесу я тебе в завтрашнем номере гвоздику!

Так бы отнесся к событию редактор... Ну, а дальше что? Дальше секретарь, как порядочный человек, должен был бы остаться дома и пренебречь Блудыхиным. Этого потребовали бы и его гордость и достоинство редакции. Но, господа, всё это хорошо в теории, на практике же, когда куплены новые перчатки, заплачено цирюльнику за завивку, когда там наверху ждали Клавдия Васильевна, закуска и выпивка, совсем нехорошо...

Ждал этого вечера два месяца, мечтал, готовился! думал Кокин. Целых два месяца ходил по городу, нового сюртука искал... дал слово Клавдии и вдруг... Нет, это невозможно! Тут недоразумение какое-нибудь... Ей-богу, недоразумение! И в редакцию незачем ходить, стоит только с распорядителем поговорить...

Послушайте! обратился Кокин к толстяку, вы позвольте мне хоть наверх пойти... В залу я не войду, а поговорю только с распорядителем или с г. Блудыхиным!

Идите, только знайте, что в залу вас ни за что не пустят!

Боже мой! думал Кокин, идя вверх по лестнице. Эти две дамы, что идут, слышали его слова... Срам! Стыд! Уйти бы мне, ей-богу...

Наверху, около входа в залу, стоял рыженький распорядитель с бантом на лацкане. Тут же за столиком сидела какая-то разодетая дама и продавала афишки.

Скажите, пожалуйста, обратился к ним секретарь плачущим голосом, отчего это распорядились не пускать никого из редакции? За что?

Сами вы, господа, виноваты! отвечал рыженький. Вам почетные билеты посылают, вас в первый ряд всегда сажают, а вы пасквили пишете...

Господи, да ведь... Послушайте...

В это время за дверью послышались громкие аплодисменты и симпатичный голос княжны Рожкиной, певшей Я вновь пред тобою... У секретаря затрепетало под сердцем. Муки Тантала были ему не по силам.

Какие же пасквили? обратился он к даме. Положим, сударыня, в газете и были пасквили, но чем же я виноват? Виноват редактор, сотрудники, а я-то тут при чем? Я только секретарь... на манер бухгалтера. Я совсем не писатель...

Ей-богу, я не писатель! Послушайте, я даже честное слово даю, что я не писатель!

Мы ничего не можем для вас сделать, вздохнула дама. Это приказание самого Блудыхина... Впрочем... вы можете купить билет!

Чёрт возьми, как же мне это раньше не пришло в голову? подумал Кокин и тотчас же вспомнил, что у него в кармане только сорок копеек, взятые им на случай, ежели Клавдия Васильевна захочет, чтоб ее провожали на извозчике. В таком случае я поговорю с Блудыхиным! сказал он.

Подождите антракта...

Кокин стал ждать... За дверью трещали аплодисменты, пели знакомые женские голоса, смеялись... Там кипела жизнь! А бедный секретарь стоял перед дверью в позе кающегося грешника, la Генрих в Каноссе, и глядел на дверь, как лошадь, которая чует близко присутствие овса, но не видит его... Долго он ждал антракта, но наконец за дверью задвигались стулья, зашумели, заговорили; распахнулась дверь, и в коридор повалила публика.

А ведь счастье было так близко, так возможно! подумал секретарь, заглянув в открывшуюся дверь. Нет, я не могу даже допустить мысли, что меня не пустят...

Скоро показался сам Блудыхин, розовый, сияющий... Кокин заходил около него, долго не решался заговорить с ним и наконец решился...

Виноват-с... я побеспокою вас...